

— ... Эх, я уже реально ничего не понимаю... — жаловался я, держа в руке хайбол.

Рядом сидел Сатоя и смеялся над тем, каким я был жалким.

Вечером перед Обоном...

Мы выпивали вдвоём в комнате Сатои.

Как и подобает студентам, пили в квартире.

Его дом был за пределами префектуры, потому здесь он жил в апартаментах, предназначенных для учащегося. Чтобы избежать скопления людей, он решил съездить домой в начале месяца.

Аяко-сан поехала домой, и он во время Обона был свободен, как я слышал.

И потому предложил выпить.

Что я, что он не особо пьющие... Но сегодня мне что-то захотелось.

— Чёрт... Чувство такое, будто помру скоро...

— Хи-хи-хи. Что-то ты совсем расклеился, — Сатоя взял стакан и смеялся так, будто его это вообще не касается.

— ... Эх, я уже реально ничего не понимаю... — жаловался я, держа в руке хайбол.

Рядом сидел Сатоя и смеялся над тем, каким я был жалким.

Вечером перед Обоном...

Мы выпивали вдвоём в комнате Сатои.

Как и подобает студентам, пили в квартире.

Его дом был за пределами префектуры, потому здесь он жил в апартаментах, предназначенных для учащегося. Чтобы избежать скопления людей, он решил съездить домой в начале месяца.

Аяко-сан поехала домой, и он во время Обона был свободен, как я слышал.

И потому предложил выпить.

Что я, что он не особо пьющие... Но сегодня мне что-то захотелось.

— Чёрт... Чувство такое, будто помру скоро...

— Хи-хи-хи. Что-то ты совсем расклеился, — Сатоя взял стакан и смеялся так, будто его это вообще не касается.

Кстати, пили мы баночный Chu-Ni.

Похоже ему нравится сладкий алкоголь, напоминающий сок.

— Нечасто ты выпить вот так хочешь.

— ... Иногда бывает, — сказал я и наполнил опустевший стакан виски и газировкой. Когда пью хайбол, обычно думаю о балансе, но сейчас вкус меня не волнует. Главное напиться.

— Я вообще... Не понимаю Аяко-сан.

Из-за алкоголя я говорил то, чего обычно бы не сказал.

— Вначале внезапно поцеловала, а на следующий день появилась неловкость, я думал, что она собиралась что-то сказать, но тут вмешалась мама... Что это вообще было? Что за кокетство такое? И что мне делать теперь?..

Я только и мог думать о поцелуе Аяко-сан.

Неожиданный и первый в жизни поцелуй.

К тому же поцеловала меня та, кого я люблю.

Конечно я рад.

Я даже не представляю, сколько раз представлял, как целуюсь с ней. Я прокручивал разные ситуации.

Но... Такой точно нет.

Поцеловала, а потом стала избегать.

— Ладно тебе. Она же написала. После того, как вернётся, вы поговорите, так что потерпи пару дней.

— ... Ну да.

Сегодня с утра пришло сообщение.

«Когда вернусь, хочу поговорить с тобой».

«Выкрой для меня немного времени».

Когда такое говорят... Конечно остаётся лишь согласиться.

До конца Обона терпеть ещё два дня.

При том, что я десять лет ждал, это вообще немного.

Но...

— Сейчас... Пара дней кажутся длинными как сама жизнь.

О чём она хочет поговорить?

О чём сейчас думает?

Я много о чём думал, и невыносимо хотелось узнать ответы.

Три дня Обона казались целой вечностью.

— Не понимаю я Аяко-сан... Любое её действие заставляло моё сердце биться быстрее. Всегда так было...

Я безответно люблю её уже десять лет.

Любой неосознанный жест заставлял моё сердце трепетать.

Для неё я был лишь мальчиком... Потому Аяко-сан была беззащитной и открытой, и всяких

пошлых событий из-за этого хватало.

Её белье... Если начистоту, то я видел его очень много раз.

— И правда. В этот раз точно виновата Аяко-сан, — согласился Сатоя. — Когда ты сказал, что уже десять лет влюблён в женщину, которая тебя на десять лет старше, я всё думал, что это за прекрасная взрослая такая... Но Аяко-сан совсем на взрослую не похожа, — усмехнулся он. — Конечно она полноправный член общества и отличная мать... Но когда дело касается любви, она в этом не разбирается и будто вообще ничего не может... Если честно, то её можно считать проблемной.

— Эй, ну-ка хватит. Не говори гадости про Аяко-сан.

— А?..

Я начал возражать, а на лице Сatoi появилось выражение, будто его предали:

— Я думал тебя поддержать... И вообще-то это ты начал.

— Просто меня бесит, когда это другие говорят, — отпив, я продолжил. — ... Если честно, я и сам слегка задумался. С Аяко-сан довольно непросто... Ей ведь и правда уже за тридцать. Но... Ничего не поделаешь, мне даже это в ней нравится!

Эх, плохо.

Неведение меня бесит... Но я ещё больше рад тому, что она меня поцеловала.

Гнев угасает, а чувства к ней становятся сильнее.

— Чёрт... Не могу я, люблю и всё. Что бы она ни делала, люблю... Что с ней не так, может она демоница какая? Так меня с ума сводит, может она невероятно опытна в любви?

— Нет, это вряд ли, — получил я опровержение. — Ваши отношения явно не на том уровне... Вы скорее как любители, не понимающие правил, всё на месте топчитесь.

— ... М, — я только и мог что замыкать. Слова были обидными, но и возразить я ничего не мог.

Мы топчущиеся на месте любители.

Возможно так и есть.

При том, что я безответно люблю её вот уже десять лет, то я точно любитель.

Про любовные похождения Аяко-сан я ничего не слышал, но не похоже, что она за десять лет с кем-то встречалась, и Миу говорила, что это не так.

Что я, что она в делах любовных любители.

И когда сходятся такие как мы, со стороны это выглядит забавно. Какие-то низкопробные мытарства.

— Вернёмся немного назад, — спокойно заговорил Сатоя. — Так ты говоришь, что она неосознанно раскачивала лодку. И всё потому, что не замечала твоих чувств. Но... Теперь-то всё иначе.

— ...

— Аяко-сан знает о твоих чувствах. Потому теперь делает это осознанно. Как бы ей ещё повертеть тобой... Как бы заставить волноваться.

— ...

Это... Может и так.

На следующий день после поцелуя.

Когда мы встретились на следующий день перед домой, похоже ей было неловко и она избегала меня.

И если говорить грубо, выглядело так, будто она считала, что с чем-то облажалась.

И пока она оправдывалась... Выглядела взволнованно и виновато.

Её беспокойство и серьёзность были до боли понятны.

Ей хотелось сбежать, но она не могла.

Аяко-сан сомневалась и испытывала затруднение.

— Понимаю, что ты разочарован... Понимаю, что хочешь быстрее получить какой-то ответ, но не стоит спешить. Потерпи два дня и наверняка услышишь желанный ответ.

— ... Ну не знаю. Вдруг она меня отошьёт.

— Не будет такого... Как мне кажется, хотя утверждать не могу. Всё от Аяко-сан зависит, — усмехнулся Сатоя. — Тебе остаётся только верить и ждать. После всего буйства событий это отличный повод выдохнуть и взять перерыв.

— Думаешь?

— И она тоже немного отдохнёт и приведёт чувства в порядок. С ней Миу, так что ничего плохого точно не случится, — спокойно сказал Сатоя, но было видно, что он верит в Миу.

Хм. Кстати, я слушал, что после семейной поездки она встречалась с Сатоей... Между ними тогда что-то было?

Почему он настолько в Миу верит?

— В общем это лишь вопрос времени.

— ... В каком смысле? «Осталось немного подождать и всё разрешиться» или «для разрешения требуется время»?

— М, в обоих.

— В обоих?

— Ещё немного осталось, но надо немного времени.

Прозвучало противоречиво, но в целом я понял.

Осталось немного, но и надо немного.

Вроде и мелочь, но и просто пропустить нельзя.

Потому... Это вопрос времени сразу в двух смыслах.

Я даже восхитился немного.

— Хотя мне откуда знать, — но тут Сатоя безответственно добавил, портя всё.

— Ты не знаешь?

— А-ха-ха. Такуми, скажу тебе вот что. Пьяных лучше не слушать. Звучит вроде красиво, но это же всё под настроение. Глупо всё всерьёз воспринимать.

— ... А, вот как.

Вздохнув, я снова отпил.

Мы продолжили пить, болтая обо всём подряд... Но вот когда на часах было уже больше девяти.

— ... М? А это не дождь идёт?

— И правда... Ва, как полил.

Мы открыли занавески и увидели, как идёт сильный дождь.

Мы сидели в закрытой комнате при включенном телевизоре и пили, потому и не могли этого заметить.

— Серьёзно?.. А по прогнозу дождя не обещали.

— Что будешь делать, Такуми? Могу зонт одолжить.

— Зонт в такой дождь не поможет.

— На ночь останешься?

— Да... Прости.

Как и полагается студенту я с лёгкостью принял решение переночевать вне дома.

— Хи-хи. Давно ты у меня не ночевал. Даже настроение поднялось, — весело сказал Сатоя, когда я написал маме и вернулся за стол. — Этой ночью я не дам тебе заснуть.

— ... Когда ты в прошлый раз это сказал, сразу же заснул.

— Что будем делать? Устроим соревнование по макияжу?

— Это без меня.

— А, почему? Весело ведь. Сейчас парни красятся. Неправильно такое не признавать.

— Это парням с милой мордашкой вроде тебя идёт, а здоровяк вроде меня смотреться будет ужасно.

— Это дискриминация. Есть много высоких трансвеститов.

— Ну буду я и всё.

— Бу. Ну и ладно. Не заставляй же, — слегка дуясь, сказал он. — Тогда Расскажи что-нибудь забавное, — продолжил парень.

— ... Хватит просить не пойми что.

— Ничего ведь сложного. Что-нибудь, связанное с Аяко-сан.

— С Аяко-сан?

— Ага, Расскажи... Какую-нибудь пикантную историю с ней.

— ... Что-то запрос проще не стал.

Да уж, я вздохнул.

Видать из-за алкоголя Сатоя слишком уж возбудился.

Хотя внешне это не заметно, потому и не ясно, пьян ли он.

Пикантную историю.

Ну... Есть такая!

У меня много пикантных историй с Аяко-сан!

Всё случившееся за десять лет я хранил в своей голове.

Она всегда относилась ко мне как к ребёнку, потому была беззащитной и открытой, и удачных

моментов было с избытком.

Потому из такой кучи выбрать что-то одно было сложно...

Но одна история сразу же всплыла в голове.

Да, точно.

Это было почти десять лет назад.

Тогда я был ещё мальчишкой.

И называл Аяко-сан «мама Аяко».

Тогда тоже неожиданно пошёл дождь.

— А... Сегодня же семьи Атерадзава и Катсураги должны были устроить весёлую барбекю-вечеринку, но такой ливень начался, — расстроенно сказала мама Аяко, стоя в своей гостиной. — В такой дождь ничего не выйдет, придётся перенести барбекю на следующую неделю. А значит сегодня будем играть у нас, да!

— Да.

— Д-да...

Шестилетняя Миу бодро подняла руку, но десятилетнему мне было слегка неловко.

Гостиная семьи Катсураги.

Как и сказала мама Аяко, мы должны были устроить сегодня вместе барбекю.

Мы уже всё приготовили, но тут внезапно полил сильный дождь.

Пришлось перенести.

Но ждавшая этого дня Миу очень расстроилась, потому мы решили втроём поиграть у них дома.

— Таккун, чем хочешь заняться?

— Чем хочу заняться?..

— Выбирай. Хоть в семью, хоть в конструктор.

— ... Э-это.

Хм.

Всё же мама Аяко относится ко мне прямо как к детсадовцу.

А ведь мне уже десять.

В этом возрасте уже на PS или DS играют.

— Не знаю, пусть Миу-тян выбирает.

— Ах. Что и ожидалось от Таккуна. Хороший братик. Молодчина, — похвалила она и погладила меня по голове.

У... И правда как с ребёнком обращается.

— Так чем хочешь заняться, Миу?

— Так, — после вопроса мамы Аяко она задумалась. — Поиграем в больницу! — ответила девочка.

— В-в больницу?

— Ага. Братик Таку, ты знаешь? Сейчас в Лавкайзере есть врачи.

— Знаю...

— ... Вот! В этом году в Лавкайзере всякие медицинские штуки!

Мама Аяко тут же присоединилась:

— «Лавкайзер белый»... После амбициозного прошлогоднего «Джокера» он так не

впечатляет... Но я не ожидала, что утром в воскресенье появится что-то про врачей. Прямо даже захотелось что-то себе.

— ...

— Перевоплощаясь, героиня-врач побеждает сами болезни, вполне стандартная развязка... Но с другой стороны в университетской больнице происходит настоящая политическая драма. Соккрытие медицинских ошибок, кража докладов, устаревшее общество, в котором доминируют мужчины, серьёзный конфликт сторон... И в этой прогнившей больнице появляется одинокая и талантливая женщина-хирург!

— ...

— Классически она собирает товарищей, и сбор команды для сложных операций выглядит просто отлично. На этой неделе она подружилась с гениальной медсестрой операционной, и на следующей неделе должна появиться анестезиолог... А.

Заболтавшаяся мама Аяко наконец пришла в себя.

Потому что я поражённо смотрел на неё.

— ... В-вроде как вот так там. Я вполглаза смотрела, потому всего и не знаю. Миу хочет смотреть, вот и я смотрю. А вообще в воскресенье утром поспать хочется.

— А? Мама, ты что говоришь? Я же говорила, что могу записать, но ты обязательно хочешь смотреть трансляцию... М-м.

— Миу. Тс, тс.

Миу-тян начала серьёзно говорить ей, а мама Аяко в спешке прикрыла ей рот.

Похоже она подсела на «Лавкайзер» по воскресеньям.

Я это заметил в том году, когда мы вместе покупали подарок на рождество для Миу-тян.

Но Мама Аяко скрывает от меня правду.

Хотя тут вроде нечему стесняться.

Ну, может дело во взрослой гордости, которой я всё равно не понимаю.

Нельзя было ударить по её достоинству, так что я притворился, что ничего не заметил.

— М. Тогда как хочет Миу, будем играть в больницу.

Мама Аяко принесла со второго этажа игрушки.

Шприц, стетоскоп, всё, чтобы можно было играть в больницу.

Вот, братик Таку. Будешь врачом.

— А? Да ладно. Давай лучше врачом ты будешь, Миу-тян.

— Ладно тебе. Я буду Дзинко-тян, и когда врач ошибётся, я об этом сразу скажу.

— ... А?

— А, это пару недель назад было, — я ничего не понял, а мама Аяко стала со знающим видом кивать. — Она подмечает все болезни, которые терапевты упускают. Такая классная. Хоть и хирург, но осматривает лучше всяких терапевтов, вот что значит одинокий талантливый хирург Утодзака Дзинко. Она вежливо вклинивается, когда терапевты ставят неверные диагнозы, но всегда серьёзно говорит «некомпетентный врач — это уже преступление», она до смешного высокомерная и настоящий стоик... Прямо настоящая королева! Миу, ты выбрала этот момент... В деле явно разбираешься.

— ...

Вот о чём речь.

Вообще хотелось спросить, это вообще нормально, что героиня в передаче для детей такое говорит?..

Значит я терапевт, которого будет поправлять гениальный хирург.

— Значит Таккун терапевт, а Миу у нас Дзинко-тян... А я выходит больная.

Роли были распределены.

Со стетоскопом на шее я сел на пол, мама Аяко села передо мной.

Миу-тян встала немного на расстоянии.

Там, откуда должна появиться главная героиня, когда осмотр закончится.

Мы приготовились и начали играть в больницу.

— Это, — я пока не знал, как себя вести.

— ... Таккун, тут можно неточно всё делать. Ты ведь не видел ту сцену с медосмотром. Так что не волнуйся и импровизируй, — тихо сказала мама Аяко.

Совет был добрым... Вот только делать всё кое-как, когда была исходная сцена, немного страшно.

— А, Катсураги-сан. Что сегодня случилось?

— Кхе-кхе. Сенсей, у меня со вчерашнего дня кашель никак не проходит.

— Кашель? Это очень нехорошо.

— Кхе-кхе. Сенсей, вылечите меня поскорее.

Я и мама Аяко играли в больницу.

... Можно было подумать о том, чем мы занимаемся, раз взяли и оставили Миу-тян, но я решил и сам об этом не думать.

— Позвольте послушать вашу грудь, — не задумываясь, я сказал как и полагается говорить врачу.

И тут до меня дошло, что я ляпнул.

А? Грудь?

Послушать грудь...

— Прошу, сенсей.

Не замечая моей паники, мама Аяко подалась вперёд.

А потом задрала футболку... А точнее притворилась.

Я испытал облегчение от того, что она не сделала этого на самом деле, но при этом она прямо передо мной выставила свою грудь.

— ... М!

У меня дыхание перехватило.

Б-большая...

У мамы Аяко грудь очень большая.

Без смущения она выставила передо мной огромную грудь, в которой моё лицо провалиться могло.

Казалось, что она своим весом раздавить может.

— ... Что такое, Таккун? — озадаченно спросила мама Аяко, когда я застыл. — Ну же, потыкай быстрее. Стетоскопом.

— ... М.

Серьёзно?!

Мне этим игрушечным стетоскопом можно прикоснуться к груди мамы Аяко?!

Ч-ч-что же делать?..

Конечно это не то же, что лично касаться... Но когда такой маленькой игрушкой тыкаешь, это ведь почти одно и то же.

У мамы Аяко большая грудь... И если спросить, хочу ли я её потрогать, то... Ну да, хочу... Н-но нельзя ведь, ни в коем случае нельзя!

С такими мыслями я трону её грудь во время детской игры!

Это разрушит доверие мамы Аяко ко мне!

... Хотя она сама со мной как с ребёнком обращается.

Эх... Что же делать?

Трогать нельзя. Не могу я этого сделать. Но... Если буду сомневаться, она же поймёт, что я как-то не так на неё смотрю, и ей тоже станет неловко.

Если притворюсь невинным ребёнком и потрогаю, то точно никто не пострадает... Но так я стану обманщиком... У-у, у-у-у!..

— Таккун? — с беспокойством обратилась мама Аяко, пока я был под влиянием тяжких дум.

— Блин. Делай всё как надо, мама, — прозвучал недовольный голос ожидавшей своего часа Миу-тян.

Она быстро подошла и встала позади мамы Аяко.

А потом.

— Когда даёшь врачу тебя послушать... Надо вот так делать! — сказала она, взялась за края футболки мамы Аяко и задрала её.

И в результате.

Колых.

Два огромных холма стали раскачиваться прямо передо мной.

— ... М.

От неожиданности я никак не отреагировал, даже отвернуться забыл, просто смотрел и всё.

Из-под футболки показались... Сиськи в лифчике.

От фиолетового лифчика с узорами исходило взрослое очарование.

Она и так выглядела большой, так ещё и оказалась зажата в большом лифчике.

К тому же из-за того, что футболку резко задрали, она стала выскальзывать из белья...

— Кья...

— ... У, у-ва-а-а-а!

С небольшим запозданием мама Аяко закричала, а наблюдавший за всем этим я наконец пришёл в себя. Тоже с запозданием вскрикнул и отвернулся.

Сердце билось как безумное, а лицо горело.

Н... Ничего себе, что я увидел.

Я увидел нечто невероятное!

Она... Выпрыгнула прямо будто взорваться собиралась.

— Н-ну-ка, Миу... Нельзя же так, — поправляя футболку, женщина переключилась на Миу.

— М. Так ведь... Так ведь перед врачом обязательно надо грудь показать.

— Мы вообще-то просто играем, — смущаясь говорила мама Аяко, поправляя лифчик через футболку. Всё ещё краснея, я посмотрел на неё... Всё же не успокоиться мне.

— ... Прости, Таккун. Пришлось увидеть такое.

— Нет, в-сё в порядке.

Я всё ещё не успокоился, но смог ответить нормально.

— Эх... И всё же не страшно, — усмехнувшись, сказала женщина. — Увидел только Таккун.

— ... А?

— Было бы плохо, окажись тут твой папа.

— ...

Она сказала это без задней мысли, но после её слов моя голова поостыла.

Почему?

Почему если это я... То «не страшно»?

То, что я увидел, это ничего, а если бы увидел папа, ей бы это не понравилась.

Причину... Я понял, подумав совсем немного.

Для мамы Аяко... Папа «мужчина», а я — «ребёнок».

Ей было неловко показывать бельё мужчине, но не смущало то, что его могу увидеть я.

Ведь я... Ребёнок.

Я для неё как сын или брат.

Мама Аяко не воспринимает меня как мужчину.

После мы почти сразу же закончили играть в больницу.

Миу-тян отыграла роль главной героини во время осмотра, но тут мама Аяко...

— А, Миу, там ведь немного не так было.

— Нет, нет, Дзинко-тян такого не говорила.

— Вот так. Дзинко-тян такую позу принимает.

Начала давать пылкие советы.

Миу-тян начала от этого уставать, сказала «хватит», и мы закончили игру в больницу.

А потом мы заговорили о следующей игре.

— Это, давайте... В прятки! — сказала Миу.

Прятки дома.

Довольно популярный вариант, когда на улице дождь.

В результате «камень-ножницы-бумага» водить стала Миу-тян, а мы прятаться.

— Раз, два, три.

Девочка стояла в коридоре в углу, закрыв глаза, и громко считала до ста.

Мама Аяко сразу же поднялась на второй этаж, а я стал осматриваться на первом.

Так.

Где бы спрятаться?

Тут было важно... Что это «чужой дом».

Пусть мы хорошие соседи, но я чужой здесь.

Гость, посторонний.

Так что если рассуждать здраво... Слоняться везде и всюду я не мог.

Хоть мы и играли в прятки, взять и подняться на второй этаж я не мог, и не мог по их шкафам лазить.

Я же уже школьник.

И рассуждал соответствующе возрасту.

Хотя где бы я ни решил спрятаться, мама Аяко не разозлится... «Ты же мне как родной», — с улыбкой скажет она, но не нужна мне такая доброта.

Это вопрос вежливости и здравого смысла.

Чужой дом — это чужой дом.

И я хочу быть человеком, который следует этим правилам... А ещё хочу, чтобы мама Аяко думала: «Ах, какой Таккун вежливый мужчина».

В общем.

Из-за моих взглядов, мест, где я мог бы спрятаться, было не так много... И надо было подумать ещё кое о чём.

Прятки — это любимая игра Миу.

Тут главное, чтобы ей весело было.

Нельзя слишком хорошо прятаться.

Неправильно серьёзно соревноваться с девочкой, которая на пять лет младше.

И неправильно прятаться там, где она не сможет найти.

Но и слишком очевидное место не подходит. Нужно что-то среднее, чтобы надо было немного поискать.

К тому же прятаться я мог...

В местах, куда можно гостю.

Там, где моё обнаружение сойдёт за достижение.

... Важны были эти два пункта.

— Это... А. Там будет неплохо.

Я вошёл в гостиную и нашёл неплохое место.

За шторой у окна.

Что если спрятаться здесь?

Хм... Вполне неплохо.

Это гостиная, где мы играли, так что можно не переживать, что я гость. Шторы длинные, и если спрятаться в них, найти будет не так-то просто... Но я слегка выпираю, так что если будет старательно искать, то найдёт.

Ага, ага, отличное место.

— ... Пятьдесят два, пятьдесят три, пятьдесят четыре.

Времени ещё хватало, но я предпочёл спрятаться поскорее.

Я закутался в штору, стараясь, чтобы это выглядело как можно естественнее. Если сразу не найдёт, можно будет высунуть руку или ногу.

Затаив дыхание, я стал ждать... Счёт уже перешёл за семьдесят, когда случилось кое-что неожиданное.

Вшух.

Штора раскрылась.

— А?..

Я удивился. Счёт ведь ещё не закончился. Я думал, что это Миу-тян поспешила, но.

— А, Таккун?..

Передо мной была мама Аяко.

— Таккун, так ты здесь прятался? Я и не заметила.

— П-почему? Мама Аяко ведь на второй этаж пошла.

— Да, это был обман.

— Обман?..

— Ты же слышал, как я громко топала? Потом я тихо спустилась... Так я решила провести Миу, притворившись, что спряталась на втором этаже.

— ...

— Взрослые настоящие стратеги.

— ...

Она говорила самоуверенно, а я не знал, как на это реагировать.

Не слишком ли далеко она заходит?

Во время игры в прятки с шестилетней дочкой хитрые трюки придумывает.

В-вообще не по-взрослому!..

— Обманув Миу, я думала спрятаться в японском шкафу... Но случилось кое-что незапланированное.

— Незапланированное?..

— ... М-места мало оказалось, я не влезла.

Настоящий провал.

— Вещей там конечно много, но я думала, что как-нибудь залезу, но попа, как бы я ни пыталась... А, н-нет! Не то, чтобы у меня попа больше стала, дело вообще не в этом! У всех взрослых она такая большая... — пыталась оправдаться мама Аяко. — Так что я стала искать другое место... А тут ты прячешься. А, и что же теперь делать?.. — озадаченно сказала она.

Миу уже до девяноста досчитала.

— А, блин, времени не осталось... Ну ладно.

Загнанная мама Аяко... Сделала нечто неожиданное.

— Таккун, я с тобой залезу!

— ... А?!

Я даже согласиться не успел, как она подскочила ко мне.

Покрутившись, она закуталась в штору.

Конечно же вместе со мной.

Скрученные в скрутку мы были невероятно близко.

— А, а-а?..

— А. Не двигайся, Таккун. А то Миу нас найдёт. И прижмись ближе, надо, чтобы мы меньше места занимали.

— Не...

Я попытался отодвинуться, но мама Аяко притянула меня.

А потом... Жамк.

Чтобы мы заняли ещё меньше места, крепко меня обняла. Из-за разницы в росте моё лицо оказалось зажато её грудью.

— Сто! Всё, я иду искать! — прокричала закончившая счёт Миу.

И вот я услышал, как она поднимается вверх.

— ... Отлично. Миу клюнула на мою уловку и пошла на второй этаж. Похоже получилось выиграть время, — мама Аяко радовалась, вот только мне было не до веселья.

Какое преимущество даёт выигранное в прятках время? Ничего ведь не закончится, пока нас не найдут... Так и хотелось по этому поводу высказаться, но сейчас было не до этого.

Ува.

Ува-а-а-а-а!

Что это, что?!

Это... Просто невероятно!

У меня лицо в груди утопает... Нет.

Наверное правильное сказать, что оно зажато.

Из-за того, что она крепко меня прижимала, я даже через одежду чувствовал, какая она мягкая. И не только грудь. Живот и бёдра тоже... Мама Аяко вся очень мягкая, она будто обволакивает моё маленькое тело.

Тело мамы Аяко большое, мягкое и тёплое... А ещё от него приятно пахнет.

Понимаю, что нюхать грубо, но из-за того, что нос утыкается в её грудь, нюхать приходится.

Мы были скрыты во тьме шторы.

Вблизи я ощущал тепло, касания и запах... Видно было плохо, потому остальные чувства обострились, и сердце никак не унималось.

От возбуждения и напряжения я уже плохо соображал.

— ... Таккун? Ты в порядке?

Видать из-за того, что я ничего не говорил, мама Аяко начала переживать.

— В-в порядке...

— Вот как. Тогда потерпи ещё немного. Всё начнётся, когда Миу спустится на первый этаж.

И чего мама Аяко такая серьёзная?..

И вряд ли Миу-тян даже через пять минут спустится.

На втором этаже много мест, где спрятаться можно.

А мне всё это время терпеть придётся...

И тут случилась новая атака.

— Фух... Что-то жарковато стало.

Жарко.

Мы прижимались друг к другу, к тому же были в штору замотаны. Конечно тут стало жарко. Не то, чтобы прямо невыносимо, но пот выступил... И потеть сейчас было смерти подобно.

Вух.

Мы оказались в настоящей парилке. От мамы Аяко и так приятно пахло, и теперь этот запах стал лишь сильнее.

И я уже привык к темноте... И видел прямо перед глазами огромную грудь. Глубокая ложбинка. На мягкой коже выступили капельки пота... Я уже совсем соображать перестал.

Здравомыслие куда-то уносит, прямо перед мной грудь... Нет, н-нельзя, нельзя!

О чём я только думаю?!

Такое недопустимо!

Мама Аяко ведёт себя так беззащитно, потому что не считает меня таким!

Я не могу предать её доверие!

Она считает меня маленьким, потому касается и трогать позволяет... А я, я так...

— ...

Я поднял голову, и наши взгляды встретились.

— М? Что такое, Таккун?

Мама Аяко... Выглядела такой прохладной.

Конечно тут было жарко, и на её лбу тоже выступил пот, так что лицо прохладное не в смысле жары.

А в том, что она спокойная.

А я от возбуждения и стыда был готов удариться в панику, но мама Аяко вообще не волновалась ни о чём.

Хоть мы и прижаты так.

Хоть я... И касаюсь её груди.

— ... Мама Аяко, ты в порядке? — вырвалось у меня.

— А?

— Вдруг тебе неприятно? Вот так... Прижиматься ко мне.

— ... Это, — на лице появилась озадаченность.

Похоже она не поняла смысл вопроса.

— Не неприятно...

— ... Ты не против с кем угодно так прижиматься?

— А, а-а? К-конечно нет... — поражённая, она продолжала. — Как бы... С незнакомым мальчиком я бы точно не стала так обниматься. И мне бы не хотелось, чтобы кто-то вот так меня касался...

Она говорила дальше.

Добро улыбаясь.

— Но против Таккуна я ничего против не имею. Ведь я тебя очень люблю.

— ...

Это «очень люблю»... От которого всё болело в груди.

Мама Аяко наверняка любит меня.

Дело не в сомнении, я рассуждаю в данном случае вполне объективно.

Она испытывает ко мне симпатию.

Но это «люблю» не такое же «люблю» как моё.

Не как к представителю противоположного пола, а как к брату или ребёнку.

Потому она и прижимается так спокойно и вообще не переживает из-за этого. Когда я вижу её бельё или когда мы крепко прижимаемся, мама Аяко ничего не испытывает.

Моё сердце билось как безумное, а сердце мамы Аяко никак не реагировало.

И слова «очень люблю» ничего не стоили.

Отчего было очень-очень обидно...

— ... А! Я вижу ноги! — прозвучал громкий голос Миу-тян.

А потом шторы отдёрнули и нас нашли.

— Мама и братик Таку найдены.

— Ах... Нас нашли.

— Вот ты где была... А я думала, что ты на втором этаже.

— Хи-хи-хи. Ты слишком наивна, Миу.

— Но больше не прячьтесь в одном месте. Теперь не ясно, кто следующий водит.

— А, и правда... Это, тогда следующим...

— ... Я буду водить, — сказал я и, не дожидаясь их ответа, отправился в коридор.

Закрыв глаза и стал считать до ста.

Хотелось вести себя как обычно, но я всё ещё весь горел.

И это было... Не из-за того, что лицо оказалось между грудей мамы Аяко. Возбуждение и стыд разом прошли.

Сейчас в моём сердце поселились... Обида, грусть и негодование.

Понимаю, что это неправильно.

Для мамы Аяко я ребёнок.

Ведь я... И правда ребёнок.

Как бы ни вытянулся, я всё ещё ребёнок.

Конечно она обращается со мной как с ребёнком.

Сейчас... С этим ничего не поделаешь.

Но я не знаю, что будет в будущем. Я вырасту и вытянусь, и тогда мама Аяко будет смотреть на меня иначе. Она увидит во мне мужчину.

Потому я буду стараться.

Стараться в долгосрочной перспективе.

И когда-нибудь стану мужчиной, который заставит сердце мамы Аяко биться быстрее.

Хоть меня и попросили рассказать что-нибудь пикантное, но так я снижу ценность этих воспоминаний, да и не хотелось выставлять напоказ личную жизнь Аяко-сан.

Так что я опускал кое-что, упрощал, и в итоге история получилась скучное.

— ... Так вот, я хочу сказать, что Аяко-сан — очаровательная женщина... М?

Сатоя успел уснуть.

В руке он продолжал сжимать банку, улёгся на стол и мирно посапывал.

— ... В итоге уснул, — вздохнул я.

Всё же это «не позволю тебе заснуть» от предыдущего ничем не отличалось.

Ну... Я и сам виноват, что скучно рассказывал. Из-за того, что опустил все пикантные моменты, в итоге просто стал нахваливать Аяко-сан.

Я поднял спавшего Сатою как принцессу и отнёс на кровать.

А сам вернулся к столу и продолжил пить.

— ... Прятки?

Старые воспоминания воскресили старые чувства.

Да, точно.

Тогда она обращалась со мной как с ребёнком, и потому всяких пошлых моментов было с избытком.

Но в детстве меня это не радовало.

Когда я касался её груди, она не злилась и не ненавидела меня... Я не был рад, что у меня есть привилегии, которые хотело бы получить большинство мужчин.

Конечно было приятно, и я очень возбуждался, но больше было обидно.

Со мной обращались как с ребёнком... А не как с женщиной, и это было невыносимо.

Я хотел скорее вырасти.

— ... Хорошая история.

Я улыбнулся.

— Я был лишь соседским мальчишкой... А сейчас переживаю, будем ли мы встречаться или нет.

В определённом смысле моя мечта сбылась.

То, о чём я мечтал в детстве... Заставить сердце Аяко-сан биться быстрее, я постепенно приближался к её исполнению.

Правда не знаю, о чём она сейчас думает.

Но при том, что она делает много непонятного и неожиданного... Она пока в нерешительности.

И я не представляю, что будет дальше.

Однако сейчас чувства чуть-чуть успокоятся, и можно будет хвататься за своё счастье.

Ведь такая любовная комедия с Аяко-сан и была моей детской мечтой.

— ...

В таком случае может и хорошо, что мы получили ещё немного времени.

Теперь можно вспомнить прошлое и немного привести в порядок чувства.

Подготовиться морально.

И принять.

Каким бы ни был её ответ, никуда не сбегая, принять его.

И ещё... Я решил ещё раз сказать.

«Всё же я тебя очень люблю».

Каким бы ни был её ответ, мой останется прежним.

Таким он был на протяжении десяти лет...

Читать лишь тем, кому интересно. Глоссарий «Лавкайзер» 4

«Лавкайзер белый»

Пятый сезон аниме, показываемого по воскресным утрам.

«Краснее красного, чёрная белизна, что темнее тьмы».

Основная тема — медицина. Место действия — университетская больница; из другого мира начали вторгаться человекоподобные вирусы... Чтобы спасти тех, на кого напал «вирус наоранайн», в бой вступают врачи.

В основном героини перевоплощаются и побеждают человекоподобные вирусы, но немалую часть времени здесь занимают дразги и противостояния внутри больницы. Героини могут вообще не перевоплощаться, а до самого конца проходить через больничную драму. Тут помогали люди, замешанные в медицине, и методы лечения с кабинетами были срисованы с реальных. В первой серии внезапно умирает пациент, и авторы показали зрителям «достойную смерть», но этот сезон подан совсем по другим углом, нежели «Джокер».

Лавкайзеры здесь после превращения становятся меньше микрометра, проникают в тела

пациентов и сражаются с «вирусом наоранайном». Однако героиня Утодзака Дзинко (смотри ниже), не так доверяла этим превращениям, использовала современную медицину и с помощью хирургии расправлялась с врагами.

Предметами и оружием для превращения являлись скальпель, шприц, ножницы и другие медицинские принадлежности. Но в третьей серии героиня высказывает всё неопытному врачу: «Не уверен, не трогай шприц», её серьёзность напугала детей, так что случился неприятный провал, когда при виде игрушек в форме шприца малыши говорили: «Дзинко-тян разозлится, так что он мне не нужен». Потому хоть сериал был оценен высоко, продажи игрушек были неважными.

Утодзака Дзинко

Двадцать восемь лет. Хирург. В данный момент выходит четырнадцатый сезон, и она считается самым старым персонажем (за исключением героев-нелюдей). Её подруги-лавкайзеры тоже подростки-медицинские работники, и на данный момент их средний возраст составляет тридцать два года.

Одиноким гениальным хирургом. Она обладает навыками, за которыми другим не угнаться, и без труда проводит сложные операции. Однако характер у неё высокомерный и холодный. Не присоединяется ни к одной из фракций, не слушается ничьих приказов. Игнорирует иерархию университетской больницы и действует так, как сама пожелает. К неопытным врачам испытывает что-то близкое к ненависти, осуждает всех, кто допускает врачебные ошибки и работает без стремления. Не счесть тех людей, кто после её упрёков и обвинений вынужден был оставить врачебную практику. Из-за такого отношения все старались избегать её в больнице, но её свирепый нрав стоило говорить, что она думает о пациентах. С ними хоть она и сохраняла дистанцию, но была относительно добра, и её репутация считалась положительной. В больнице были те, кто это понимали.

На отчуждённость Дзинко и её талант большое влияние оказала умершая мать, которая была полевым хирургом.

Она решила сражаться как Лавкайзер белая, но сделала это ради собственных навыков и жизней пациентов. Чтобы спасти всех от «вируса наоранайна» и понимая свой предел в сражении в одиночку, она создала команду хирургов. Но у её товарищей были такие же выдающиеся навыки и сложные характеры, потому всех их называли «одинокими гениями». Не признавая ничего кроме собственных навыков Дзинко собрала таких же как она и создала команду.

Тема была медицинской, и в начале передачи Дзинко рекомендовала детям мыть руки. Но эту сцену сделали ещё до того, как было решено, что из себя будет представлять персонаж, потому здесь она в отличие от сериала весело улыбается и танцует.